

закона о социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Необходима разработка нормативной базы, обеспечивающей правовую регламентацию всего процесса социальной адаптации лиц, отбывших наказание, включая урегулированность нормами права отношений, возникающих после отбытия осужденными наказания. Законодатель должен определять права, обязанности, компетенцию, ответственность и основные направления деятельности соответствующих органов государства, общественных объединений по решению всего комплекса вопросов управления процессом социальной адаптации, внести элементы организованности в миграцию указанной категории граждан. Должна быть создана система законодательных актов, регламентирующих постепенную адаптацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Без решения этих вопросов трудно говорить о минимизации преступности, особенно рецидивной. Это касается многих стран, в том числе и братской Республики Беларусь.

УДК 343.2+343.3/7

В. В. Марчук

*начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства
Научно-практического центра проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В советской уголовно-правовой теории и современной уголовно-правовой доктрине государств – участников СНГ (в том числе и в Республике Беларусь) состав преступления на уровне дефиниции определяли и определяют обычно как совокупность предусмотренных в уголовном законе объективных и субъективных признаков (некоторые авторы считают, что эти признаки образуют не совокупность, а систему), характеризующих общественно опасное деяние как преступление.

Есть основания рассматривать состав преступления в уголовном праве в качестве юридической конструкции, раскрывающей уголовную противоправность деяния. Его можно определить как своего рода «спецификацию» уголовной противоправности. В этом смысле содержание рассматриваемого понятия формируется при участии ряда нормативных предписаний о вине (ст. 21–25 УК), о возрасте уголовной ответственности (ст. 27 УК) и других положений Общей части УК. При этом на пред-

ставления о сущности деяния, запрещенного УК, в некоторых случаях оказывают влияние и нормы законодательства, не имеющего уголовно-правового характера.

Изучение доктринальных источников показывает, что не только в истории уголовного права, но и в современной уголовно-правовой литературе отношение правоведов к понятию «состав преступления» является далеко не однозначным. Спектр мнений здесь широк и разнообразен: от признания состава преступления «научным открытием в сфере уголовного права, практическое значение которого невозможно переоценить» (В.С. Савельева), возвеличения его до сана «категориального, систематизирующего института уголовного права» (Ю. Ляпунов), усмотрения в нем «единства и взаимообусловленности содержания и формы преступления» (А. Марцев), придания ему статуса «эталона оценки» (Е.В. Благов), «алгоритма применения уголовного законодательства» (А.Е. Жалинский) до отрицания состава преступления, в целом, как юридической категории (А.П. Козлов).

В методологическом плане обсуждения требует вопрос о структуре и содержании состава преступления. Некоторые авторы (А.Е. Жалинский, В.Ф. Ширяев, С.А. Монойлова и др.) ставят под сомнение доминирующий в доктрине уголовного права подход о четырехэлементном составе преступления. Анализ проблематики состава преступления показывает, что в контексте его структуры и содержания в основном критике подвергаются два его элемента – объект и субъект преступления. Так, А.П. Фефелов, поставив вопрос: «Могут ли общественные отношения, являющиеся объектом преступления и охраняемые правом от преступных посягательств, выступать в качестве составной части этих же посягательств?» – сам же на него отвечает: «Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, потому что мы не можем смешивать то, что защищаем правом, с теми преступными посягательствами, с которыми ведем борьбу. Что касается признаков, которые характеризуют объект, то они лишь указывают на него, но не могут рассматриваться в качестве признака состава преступления». Соглашаясь с этим мнением, В.В. Мальцев обращает внимание правоведов на то обстоятельство, что структура охраняемого общественного отношения едина и должна рассматриваться лишь в целостности составляющих ее элементов. Поэтому взятые отдельно элементы не подлежат уголовно-правовой оценке и не свидетельствуют о причинении или не причинении вреда объекту охраны, наличии или отсутствии в деянии состава преступления.

Возникает вопрос и о правомерности выделения субъекта в качестве самостоятельного элемента состава. Тот, кто читает лекции по составу преступления, всегда сталкивается с тем, что в поисках ключевых понятий для объяснения обучаемым сущности вменяемости, обоснова-

ния нижнего порога возраста уголовной ответственности и содержания интеллектуального и волевого моментов вины (особенно умысла) приходится оперировать если не одними и теми же, то весьма сходными понятиями. Но разве сознание общественной опасности своего действия или бездействия (ст. 22 УК) возможно без наличия у лица способности это осознавать? Может ли желание наступления общественно опасных последствий найти реализацию при отсутствии у лица способности руководить своим поведением? Даже если учесть тот высокий уровень абстракции, который применяют к пониманию состава преступления в целом либо к отдельным его элементам, непонятно, почему способности осознавать общественную опасность своего поведения и руководить им, как неотъемлемые социопсихические качества соответствующего лица, обособлены в рамках отдельного элемента состава – субъекта преступления. Разве вина не является неотъемлемым социопсихическим фактором, принадлежащим соответствующему участнику конфликтного уголовно-правового отношения? Для сравнения обратим внимание, что в немецких источниках доктринального толкования уголовного закона в рамках анализа состава преступного деяния не употребляется термин «субъект преступления». В немецком уголовном праве используются, например, понятия «вменяемость вины» или «невменяемость вины», которые уже в своем лексическом понимании показывают на тесную связь между составными понятиями этих терминов. В доктрине иногда упоминают так называемую теорию трех колец, в соответствии с которой вменяемость, вина и уголовная ответственность образуют между собой последовательно связанные звенья (кольца). Отсутствие вменяемости исключает вину и, следовательно, ответственность. Вменяемость и возраст уголовной ответственности следует рассматривать в качестве необходимых условий уголовной ответственности. Это вытекает и из структуры нормативного материала, содержащегося в действующем УК. Так, статья 27 УК («Возраст, с которого наступает уголовная ответственность») находится в главе 5 УК, которая называется «Условия уголовной ответственности».

Кроме того, постановка вопроса о наличии субъекта преступления весьма странно выглядит на стадиях досудебного производства. Ведь было ли преступление, которое вменяется соответствующему лицу органами, осуществляющими уголовное преследование, может решить только суд. До вынесения обвинительного приговора мы имеем дело практически с участником конфликтного уголовно-правового отношения, которое совершило деяние, запрещенное уголовным законом. Но и с момента провозглашения обвинительного приговора корректнее уже вести речь не о субъекте преступления, а о субъекте уголовной ответственности.

В последнее время в литературе активно стали обсуждать проблематику специальных признаков субъекта. Есть основания констатировать, что исследование этой проблемы вошло в русло поиска обоснований в контексте обусловленности и взаимосвязей этих признаков с другими элементами состава преступления. Об этом свидетельствуют новые термины, которые появились в современных исследованиях: «объектный статус субъекта преступления» (Н.А. Бабий), «субъект статусного характера» (В.М. Хомич), «особая субъектность деликта» (Г. Фристер).

Обозначенные критические замечания относительно структуры и содержания отдельных элементов состава преступления подтверждают необходимость проведения отдельного научного исследования относительно совершенствования этого важного для уголовного права понятия. Любое явление в науке уголовного права, как, впрочем, и в науке, не может претендовать на статус «священной коровы». В противном случае наука исчезнет. Кроме того, следует учитывать, что должностные лица, ведущие уголовный процесс, в своей практике активно используют понятие «состав преступления». И, как показывает опыт, внедрение чего-то нового всегда требует значительного периода времени.

УДК 343.8

Е. Е. Масленников

ст. научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРУППОВЫХ НЕПОВИНОВЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации предусмотрено предупреждение совершения осужденными и лицами, содержащимися под стражей, преступлений. Основную предупредительную функцию выполняют нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за совершение действий, дезорганизующих деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы. Кульминацией этого процесса являются преступления, совершаемые с участием большого количества осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Предкриминальной ситуацией перед преступлениями выступают групповые неповиновения.